

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 899-907, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society

Ludmila M. Artamonova^{a, *}

^a Samara State Institute of Culture, Russian Federation

Abstract

This article concerns the issues touched upon by Boris Mironov in his book “The Russian Empire: From Tradition to Modernity,” which are connected with modernization processes in the sphere of culture and social interaction. Mironov uses the term “collective beliefs” to identify stable mass mental constructions in this sphere that are characteristic of different social groups, and he uses the concept of “cultural capital” as an important assessment of the level of development of society. L.M. Artamonova agrees with Mironov’s thesis, according to which accumulation of such capital in Russia took place, first of all, on the initiative of the supreme authority, which was enlightened during all the stages of its history as it did not abandon attempts to develop public education. In her opinion, ultimately, this prepared the conditions for the implementation of serious social, economic, and administrative reforms. An obvious example is the preparation of the conditions for future abolition of serfdom and other modernizing changes in society through the development of schools. Catherine II’s ideas on school reform were ahead of their time by a century or more. Artamonova supports Mironov’s view that the formation of elements of civil society in Imperial Russia began in the last third of the 18th century and provides additional arguments, in particular the rapid development of voluntary associations and the periodical press in the Russian provinces. In her opinion, Mironov’s insights are thanks to diligent work with sources, including archival ones. To get reliable statistical results, the use of labor-intensive quantitative methods is often required.

Keywords: Russia in the 17th to the beginning of the 20th century; modernization; history of culture; public education; cultural capital; social history; collective beliefs; mentality; enlightened absolutism; civil society; periodical press.

Б.Н. Миронов относится к числу видных отечественных историков, которые находятся на острие самых современных тенденций в историографии. Трудно найти вышедшую за последние годы диссертацию, монографию, серьезную статью по отечественной истории XVIII – начала XX в. без ссылок на его публикации по социальной истории, количественным методам, теоретическим вопросам нашей науки. На столь же внимательное отношение «обречена» и его новая рецензируемая книга. От академических научных центров истории и общество ждут появления прежде всего концептуальных и обобщающих трудов, которые концентрируют итоги проведенных исследований, помогают сориентироваться в пространстве современной науки, подсказывают перспективные направления ее развития. Такую работу, казалось бы, посильную только большому коллективу, в очередной раз

* Corresponding author

E-mail addresses: artamonovoi@mail.ru (L.M. Artamonova)

выполнил Б.Н. Миронов. Не все согласятся с его выводами, но равнодушных к проделанному им труду точно не будет. Когда дело делается с душевным подъемом, когда коллеги подпитывают друг друга не только знаниями, но и энтузиазмом, хочется, как сказал сам автор в одной из своих книг, «творить с ощущением: какое счастье жить в эпоху перемен и “служить по ученой части”!» (Миронов, 2013: 322).

Автор не замкнулся, как это иногда бывает, в узком отфильтрованном круге литературы. Он широко использует работы, подготовленные многочисленными исследователями в разных городах, по разнообразным поводам, в виде публикаций, отличающихся и по формам, и по объему. Привлекая труды ученых из регионов и тех, кто занимается локальными проблемами, автор избавляется от кривого зеркала, отражающего историю страны только под углом зрения из столиц.

По теоретическому, фактографическому, источниковедческому и историографическому охвату трехтомник Б.Н. Миронова отличается поистине энциклопедическим характером, да и своим представительным видом не уступит иным энциклопедическим изданиям. В нем поднимается целый ряд тем, которые трудно даже перечислить, от материальных и социальных последствий процессов территориальной экспансии, колонизации, урбанизации, эволюции общин, корпораций, гражданского общества, государственности до идеального непреходящего вопроса «Что такое счастье?». В ограниченном объеме текста невозможно дать подробное описание и всестороннюю оценку этой «энциклопедии русской жизни» за три века движения империи от традиционного общества по пути модернизации. Остановимся на тех темах и подразделах, мнением о которых хотелось бы поделиться особенно.

Путь к самым разным модернизационным преобразованиям был долгим и нелегким. Он начинался, конечно, не с реальных административных и законодательных шагов, а с идеальных представлений и перемен в сознании. Это касается и позиции имперской элиты, и «коллективных представлений» различных групп населения. Термин «коллективные представления» Б.Н. Миронову представляется более адекватным описываемому явлению, нежели «менталитет», заимствованный у школы «Анналов», или постмодернистский «повседнев» (Миронов, 2015b: 373–374). Согласны с его критическим отношением к последнему термину, поскольку «исследования повседневна имперской России пока не оправдали возлагавшихся на них надежд» (Миронов, 2014: 24). «Менталитет» же близок, но не схож по значению с «коллективными представлениями», поскольку помещается исследователями преимущественно в сферу бессознательного. Данное понятие в современной историографии применяется достаточно широко и успешно, а потому предложение о его замене вряд ли будет принято. Сам Б.Н. Миронов, высказав свои терминологические предпочтения, продолжает в тексте неоднократно использовать это понятие по отношению к народам и социальным группам. Например, принципиальное для него определение сословий предусматривает, что те «обладают специфическим менталитетом и сознанием» (Миронов, 2014: 332).

Глава 12 в книге Б.Н. Миронова, которая называется «Русская культура в коллективных представлениях» (Миронов, 2015b: 371–589), является, пожалуй, одной из наиболее интересных и новаторских. Автор недаром подчеркивает, что такой главы не было в «Социальной истории России...» (Миронов, 2014: 12). Добавим, что и понятие «коллективные представления» в том труде еще не использовалось, тогда в близких и схожих случаях Б.Н. Миронова удовлетворял термин «менталитет». Впрочем, неожиданным, скороспелым появлением и понятия, и соответствующего подраздела не назовешь. Глава под точно таким же названием впервые появилась в его «Исторической социологии России» еще в 2009 г. (Миронов, 2009). Однако в настоящем виде она, конечно, обстоятельней и обоснованней, чем текст шестилетней давности, к тому же предназначенный для учебного пособия, а не монографии.

Глава «Русская культура в коллективных представлениях» синтезирует и обобщает некоторые положения из предыдущих глав и подразделов. В ней предлагается не столько историко-культурный анализ имперского периода, как можно предположить из названия, сколько мировоззренческая, этическая, психологическая характеристика «отдельных социальных групп и сословий». Она, предупреждает автор, дается без этнической и национальной окраски (Миронов, 2015b: 374). При этом прослеживается отличие «коллективных представлений» в крепостную эпоху и в пореформенное время.

Среди оценок предложенного понятия Б.Н. Миронов выделяет особенно «антибуржуазный» характер «коллективных представлений» большинства населения России (крестьянства, рабочих, дворянства, духовенства, интеллигенции). Особенно обстоятельно автор иллюстрирует это на примере трудовой этики. Как полагает автор, не модернизационные устремления, а, наоборот, неизжитая ориентация на принципы производства и потребления, пришедшие из традиционного общества, сделала широкие массы подверженными социалистическим идеям, породила напряжение в обществе, чреватое революциями (Миронов, 2015b: 413–414).

Важную роль в модернизационной трансформации «коллективных представлений», которая так и не завершилась к концу империи, по мнению автора, играло развитие народного образования. Еще более весомым оно было для накопления «человеческого капитала», т. е. «богатства в форме знания или идей, совокупности интеллектуальных способностей, образованности, умений, навыков, моральных качеств, квалификационной подготовки индивидов» (Миронов, 2015b: 375). Впрочем, темы грамотности, просвещения, воспитания выходят далеко за рамки этой главы. Б.Н. Миронов поднимает их и рассматривает с разных точек зрения на протяжении всей книги. Так, образовательный аспект является в его интерпретации одним из ведущих факторов при формировании сословий, особенно дворянского (Миронов, 2014: 343) и духовного (Миронов, 2014: 367). С учетом того же аспекта рассматриваются вопросы «демографического перехода» от традиционного к современному типу воспроизводства населения и развития внутрисемейных отношений в сторону малой демократической семьи. Б.Н. Миронов совершенно прав, считая семью, прежде всего крестьянскую, «носителем традиции», а школу «проводником инноваций и каналом модернизации» (Миронов, 2014: 751–752). Отсюда его неоднократные и совершенно обоснованные обращения к теме просвещения в книге, посвященной модернизации.

Действительно свой след на пути ко многим переменам в ходе социальной эволюции империи оставили дела и идеи, рожденные в «эпоху Просвещения». Она в России ассоциируется со второй половиной XVIII в. и правлением Екатерины II, а также с первой четвертью XIX в. и царствованием Александра I. Однако и последующие Романовы оставались «просвещенными монархами» в самом прямом смысле этого слова. Верховная власть империи, как считает автор, была главным поборником народного образования, брала на себя ответственность за всю его сферу от начальной до высшей школы, обеспечивала его финансирование (Миронов, 2015b: 496).

Б.Н. Миронов с удовлетворением замечает, что «этот взгляд начинает получать поддержку в современной историографии» (Миронов, 2015b: 578). С цифрами в руках он убедительно и основательно развенчивает «миф о враждебности царизма просвещению» (Миронов, 2015b: 496), поощряя которое имперское правительство «при этом всегда немного забегало вперед» (Миронов, 2015b: 736).

Впрочем, некоторые мыслители и исследователи видят продолжение истории российского Просвещения и в философском смысле слова в середине XIX в. и даже в пореформенное время, чему есть определенные основания (Пустарнаков, 1999). К тому же часто употребляемая оценка «либеральный» в отношении русских абсолютных монархов и высокопоставленных сановников дореформенного времени выглядит несколько преждевременной для уровня модернизации русской элиты и «коллективных представлений» общества дореформенной эпохи. Более адекватным было бы использование понятий «просвещенный абсолютизм», «просвещенная бюрократия» (Смирнов, 2016) и т. п.

Не стали исключением последние десятилетия перед Великими реформами в правление Николая I. Оно воспринимается нередко в историографии как противоположность «просвещенному абсолютизму» Екатерины II и Александра I. Однако именно в николаевскую эпоху реально появляется массовая школа на селе. Сельская школа буквально насаждалась государством, усилиями Дворцового ведомства в удельной деревне и Министерства государственных имуществ – в казенной. Об этом, правда, в либеральной, народнической, марксистской историографии не говорилось. Справедливое замечание Б.Н. Миронова о начавшемся вмешательстве государства в культурно-воспитательную функцию деревенского мира надо перенести во времена Николая I, хотя сам автор связывал это явление только с пореформенной эпохой (Миронов, 2015a: 219). Требуется еще одна хронологическая поправка. Б.Н. Миронов отнес «введение во всех учебных заведениях в качестве обязательного предмета Закона Божьего» к 1743 г. (Миронов, 2015b: 813). На самом

деле в гимназиях и военных училищах это произошло при Александре I в 1811 г. (*Сборник..., 1864: 689–690*), а в университетах богословие стало обязательным предметом «для всех вообще студентов грекороссийского исповедания» при Николае I по Уставу 1835 г.

Автор верно указывает, что к концу николаевского царствования рост числа учебных заведений, преподавательских должностей стал важнейшим условием формирования российской интеллигенции (*Миронов, 2014: 449*). Добавим, что шло повышение оплаты и престижности труда на ниве просвещения. Такой труд носил почетный характер государственной службы – в отличие от современной России, где профессора и учителя считаются работниками учреждений, выполняющих «образовательные услуги». Об уровне внимания имперских властей к проблемам народного образования говорят также высокие награды, которые получали щедрые благодотворители образовательных учреждений. В число наград входило дарование чинов и дворянского достоинства (*Миронов, 2014: 458*). Вообще общеобразовательные средние и высшие учебные заведения стали одним из основных источников пополнения дворянства (*Миронов, 2014: 455*).

Новый труд Б.Н. Миронова отличается, как свойственно этому ученому, многочисленными количественными выкладками. Это усиливает его аргументацию, в том числе, когда речь идет о подсчетах уровня образованности отдельных социальных и территориальных групп населения России, о сравнении российских показателей (грамотных людей, учащихся, газет, библиотек, других учреждений культуры) с зарубежными. Каждый раз, осмысливая эти данные, видишь за ними прочную теоретическую конструкцию. В ее основе лежит концепция модернизации в «интегральной» или «прагматической» интерпретации, когда иные методологические подходы не отвергаются, а их достижения активно используются (*Миронов, 2014: 66–68*). Центр страны сравнивается с окраинами, русские преимущественно территории – с прибалтийскими губерниями, Российская империя в целом – со странами Европы и Америки. Делается это не для того, чтобы показать, чья «цивилизация» идет правильной дорогой, а чья не нашла верного пути. Речь идет о разнице в скорости движения по общей исторической магистрали, о причинах и уровне отставания. Характерны, например, таблицы, показывающие временной лаг в развитии России и СССР по сравнению с ведущими мировыми державами по ряду основных признаков, в том числе из области образования. Если в 1913 г. по показателям образованности и грамотности населения наше отставание составляло в среднем 113–226 лет, то к 1989 г. оно было ликвидировано (*Миронов, 2015b: 625, 628–629*).

Имперская власть до второй половины XIX в. в своих модернизационных усилиях по поддержке народного образования намного опережала потребности и инициативы общественных групп. Только в пореформенную эпоху представители образованных слоев и местного самоуправления активизировались настолько, что попытались стать ведущими в отдельных образовательных сегментах. В качестве примеров можно назвать усилия земств, городских обществ, церкви – в организации новых типов начальных школ; торгово-промышленных кругов – по развитию профессионального образования; деятелей интеллигенции – в обучении взрослых; благотворительных организаций – по устройству образовательных учреждений для особых контингентов детей с ограниченными физическими возможностями или оставшихся без попечения. В середине XIX в. совместными усилиями властей и общественности появляется средняя общеобразовательная, а затем и высшая женская школа, поскольку идея совместного обучения обоих полов не могла тогда еще реализоваться в России. По степени общественного интереса вопросы женского образования стояли, как считали современники и самые авторитетные историки эпохи, вровень с обсуждением отмены крепостного права (*Корнилов, 1993: 255*). Успехи в этом направлении были столь значительны, что уже в конце XIX столетия женщины заняли заметное место в здравоохранении и просвещении, сумели проявить себя в других сферах деятельности, выйдя далеко за пределы, отводимые для них в традиционном обществе (*Миронов, 2014: 829–830*).

Как видим, вопросы развития народного просвещения с середины XIX в. тесно смыкаются с темой становления гражданского общества. Конечно, и в более ранние времена были случаи активной материальной и моральной поддержки народного образования, научных исследований, эстетического просвещения, художественного творчества. Б.Н. Миронов даже утверждает, что в первой половине XIX в. под давлением или влиянием государства и местной администрации в губерниях уже возникали общественные

организации, инициатива в создании которых постепенно переходила к общественности (Миронов, 2015а: 694).

Однако, по нашим наблюдениям, к деятельности обществ, появившихся в столицах и университетских городах, присоединялись в провинции, как правило, лишь отдельные частные лица, даже если они действовали не в одиночку. Согласимся при этом с автором, что при создании всех этих «вольных», «императорских» и прочих научных, просветительских, культурных учреждений «верховная власть часто не имела в виду стимулирование самодеятельной общественной активности, а стремилась содействовать национальному развитию и продемонстрировать перед всем миром, что она осуществляет «просвещенное правление» (Миронов, 2015а: 694). «Ростки Просвещения» действительно долгое время насаждались сверху. По-настоящему они стали всходить на местах в годы общественного подъема, вызванного Крымской войной 1853–1856 гг., эпохой «гласности» в начале правления Александра II, подготовкой и началом проведения Великих реформ.

Не ставя под сомнение точность расчетов Б.Н. Миронова, трудно тем не менее принять вывод, что относительная доля «общественности» или «организованного общества» в XVIII в. уменьшилась сравнительно с московским периодом (XVII столетием) почти в 2 раза (с 8 до 4 %), а за первую половину XIX в. достигла «минимального уровня в 2,5 % в канун эмансипации» (Миронов, 2015а: 697). Полагаем, что «организованное общество», принимавшее Соборное Уложение и знакомое лишь с редкими печатными изданиями церковного содержания, качественно отличалось от «общественности», обсуждавшей и поддерживавшей Великие реформы, читавшей Пушкина и Гоголя, «Отечественные записки» и «Современник». Допустимы ли их количественные сопоставления, а если да, то при каких условиях? Что будет с ними, если пропустить эти цифры через фильтр наличия школьного образования или простого ценза грамотности?

В русской провинции именно с середины XIX в. можно заметить массовое и добровольное участие дворян, горожан, духовенства, чиновничества, учительства и даже крестьян в школьном строительстве. К этому надо добавить возникновение литературных и филармонических кружков, рост числа благотворительных обществ и придание современного облика их организации, движение по открытию воскресных школ, участие в патриотических акциях в связи с Крымской войной. Изменения в социальной и общественной жизни нарастали даже на селе, что подчеркивает Б.Н. Миронов: «В конце XIX – начале XX в. в деревню пришли книги, пресса и даже передвижной театр, развернули свою просветительскую деятельность представители интеллигенции, которые создавали общества трезвости, читальни, народные библиотеки, устраивали народные чтения, придумывали новые праздники и т. п., во многих общинах появились школы, которые в 1911 г. охватили 28 % детей в возрасте 8–11 лет. Школы и разные неформальные организации активно участвовали в социализации подрастающего поколения» (Миронов, 2015а: 218). Следует добавить, что ярким примером тому стали торжественные празднования различных исторических юбилеев (100-летие Отечественной войны 1812 г., 300-летие Дома Романовых и т. п.). Основная нагрузка по их проведению в провинциальных городах и селах была перенесена в школы, а целевой аудиторией прежде всего становилась учащая молодежь. Из нее же рекрутировались волонтеры на различного рода благотворительные акции, число которых резко выросло в канун Первой мировой войны и не сократилось в ее годы, приняв, конечно, содержательный оттенок, сообразный военному времени.

В России становление и деятельность добровольных ассоциаций ни в просветительской, ни в иной области никогда не оставались без контроля властей, хотя и в различной степени. Эта опека не обязательно носила открытый характер. Просто, когда в руководстве той или иной ассоциации оказывались лица императорской фамилии, над их местными отделениями брали шефство губернаторы, предводители дворянства, их супруги, родственницы и так далее. Может быть, поэтому Российское общество Красного Креста (РОКК) с его попечителями из высшей аристократии и бюрократии вызывало неприятие у оппозиционно настроенных либералов, несмотря на благие цели, эффективную деятельность, незапятнанную репутацию. Однако в целом «благословение», полученное от представителей власти и элиты, было добрым знаком для общественной организации, одним из слагаемых успеха ее деятельности. Для России это характерно вплоть до настоящего времени. Историкам, занимающимся общественными организациями в русской провинции, вовсе не кажется удивительным, что «почти все они были открыты по

инициативе или при активном содействии губернатора и высших должностных лиц губернии» (Миронов, 2015а: 695).

Трудно переоценить роль, которую сыграла в деле становления гражданского общества в России периодическая печать, особенно местная, хоть та и возникала повсеместно по распоряжению властей и первоначально входила в систему органов управления в виде газеты при губернской администрации. Согласимся с Б.Н. Мироновым в том, что «сотрудничество в газете, так же как и чтение публиковавшихся а ней материалов, содействовали созданию социальных связей в самом обществе и между обществом и бюрократией». Русская провинциальная «газета служила центром притяжения для людей, интересовавшихся прошлым и настоящим своего края, вокруг которых в русской провинции происходило зарождение “общественности” и общественного мнения» (Миронов, 2015а: 694). К выводам и примерам, полученным автором в основном на материалах «Владимирских губернских ведомостей», можно сделать уточнения. Новых корреспондентов и общественных активистов «Губернские ведомости», по крайней мере в Самаре, в пору начавшегося в 1850-е гг. общественного подъема привлекали громко, настойчиво и с ведома администрации. Газета иногда переходила дозволенные рамки, например в предании гласности обсуждения крестьянской реформы (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 8. Л. 4). Она провоцировала всех читателей вопросом, так ли сложно уделить три часа в сутки «на общественную деятельность», «на разъяснение нужд своего сословия», «на содействие обществу в исцелении» от социальных болезней (СГВ. 1858. № 50). Это происходило в середине XIX в., а в конце того же столетия стали обычными газетные сообщения о том, как участники заседаний общественных организаций расходились не через три часа после начала, а далеко за полночь, несмотря на плохо освещенные улицы и отсутствие общедоступного транспорта.

Для всех, кто знаком с источниками, разница в состоянии общественной активности между первыми десятилетиями XIX в. и началом XX в. выглядит настолько разительной, что, кажется, речь идет о разных городах и даже странах. Это автор показывает на примере Владимира, это можно было проиллюстрировать на примере Самары или других провинциальных городов. Автор справедливо находит основания «для заключения, что гражданское общество к 1917 г. в общих чертах сформировалось», правда, делая оговорку, что это относится только к «городской среде Европейской России» (Миронов, 2015а: 842). Однако известны ситуации, в которых гражданское общество активно действовало за городскими заставами. Показательным считаем пример борьбы с последствиями неурожая 1911–1912 гг. Тогда на помощь голодающим крестьянам нескольких губерний пришли в медицинском и продовольственном (как тогда говорили, «врачебно-питательном») отношении прежде всего общественные организации, хотя не устранялись и власти. О степени активности и взаимодействия, размере привлеченных средств говорит факт договоренности участников акции по поводу разграничения мест работы и установления стоимости ежедневного пайка на уровне среднего значения, чтобы избежать нежелательного «соревнования и конкуренции отдельных организаций» (ЦГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 52. Л. 84). В совместную работу были вовлечены предводители дворянства и дворянские собрания, земские начальники и земства, частные благотворители и крестьянские общества, дамские кружки и творческие самодеятельные коллективы, сельское учительство и духовенство (православное и мусульманское). Основные кадры администраторов и медицинских работников, значительные средства, аккумулированные из источников по всей России, были выделены РОКК. В результате удалось избежать голодных смертей, эпидемий, роста заболеваемости и других тяжелых последствий в пострадавших от неурожая районах. Пусть это было гражданское общество, которое, по оценке автора, сформировалось не в полной мере (Миронов, 2015b: 626), но оно уже могло решать задачи не только местного, но и общероссийского масштаба. Кстати масштаб рассмотренной акции может стать дополнительным аргументом в дискуссии Б.Н. Миронова с Л. Хэфнером, считавшим, что в поздней имперской России еще не было гражданского общества «ввиду отсутствия сетей коммуникации на межрегиональном уровне» (Миронов, 2015а: 843).

К сожалению, в чем автор тоже прав, «гражданское общество и его институты не дают гражданам индульгенцию от политических трагедий» (Миронов, 2015а: 696). Сложившаяся в дореволюционной России система государственно-общественной помощи жертвам природных катастроф была разрушена в результате междоусобиц и террора в 1917–1920 гг. Накопленный опыт и институты гражданского общества не могли быть использованы для

борьбы с катастрофическим голодом в Поволжье 1921–1922 гг., что предопределило размер бедствия.

Как и любые другие серьезные и принципиальные вопросы, политика имперской России в социальной сфере, в области просвещения, в отношении формирования гражданского общества будет вызывать споры и желание подвергнуть те или иные взгляды критической проверке. Это пойдет только на пользу науке. Сам Б.Н. Миронов считает, «чем больше разных голосов включаются в дискурс идентичности России, тем больше шансов мы имеем приблизиться к тому, что в классической философии называлось объективностью и истиной» (Миронов, 2015b: 671). В любом случае необходимо очистить отечественную историографию «от необъективных мифов» (Миронов, 2015b: 725). В частности, присоединимся к критике Б.Н. Мироновым распространенного представления об «отрыве правительственной политики от интересов общества и общества от политики на протяжении всего императорского периода» (Миронов, 2015a: 698). В своих выводах автор более чем убедителен, опираясь на глубокие теоретические построения, на хорошо подготовленную историографическую почву и надежный источниковый фундамент.

Жалеея, что нельзя подробно остановиться на всех проблемах, поднятых в книге, выразим признательность автору за хороший язык и ясность изложения. В результате большой объем и глубина анализа материала не мешают его восприятию, научная позиция излагается четко, аргументированно и не допускает двояких толкований. Книгу нужно рекомендовать не только коллегам-историкам и другим гуманитариям, но и широкой общественности, в том числе политикам и управленцам. Многовековые тенденции развития страны, став понятными и осознанными, укажут правильный путь в поиске пока неуловимой «национальной идеи». Ее не надо заново изобретать, а потом навязывать. Подобный урок уже проходили, повторять не стоит. Надо искать в прошлом и настоящем ту реальную «идентичность России», что поможет стране в будущем.

Выход обобщающего труда по истории имперской России является очень своевременным уже потому, что стимулирует ее дальнейшее изучение. Можно ожидать появления не менее интересных наблюдений и заключений, которые станут как развитием положений, выдвинутых в этой книге, так и появлением дискуссий по ее поводу.

Литература

- Корнилов, 1993 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.
- Миронов, 2009 – Миронов Б.Н. Историческая социология России: учебное пособие. СПб.: Изд. дом С.-Петербургский гос. ун-т: Интерсоцис, 2009. 536 с.
- Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.
- Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.
- Миронов, 2015a – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
- Миронов, 2015b – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- Пустарнаков, 1999 – Пустарнаков В.Ф. Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе // История философии. 1999. № 4. С. 57–88.
- СГВ – Самарские губернские ведомости.
- Сборник..., 1864 – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1: 1802–1825. IV, 1644 с.
- Смирнов, 2016 – Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского гос. ун-та. 2016. № 1 (134). С. 28–39.
- ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

References

- Kornilov, 1993 – Kornilov A.A. Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of Russian history in the 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola, 1993. 446 p. [in Russian].

Mironov, 2009 – *Mironov B.N.* Istoricheskaya sotsiologiya Rossii: uchebnoe posobie [Historical sociology of Russia: textbook]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom S.-Peterburgskii gos. Universitet [St. Petersburg State University Press]: Intersotsis, 2009. 536 p. [in Russian].

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

Pustarnakov, 1999 – *Pustarnakov V.F.* Eshche raz o sushchnosti filosofii russkogo Prosveshcheniya 1860-h gg. i vperve o ego krizise [Once again about the nature of Russian philosophy of the Enlightenment of the 1860s and for the first time of its crisis] // Istoriya filosofii [The history of philosophy]. 1999. Nr 4, pp. 57–88 [in Russian].

SGV – Samarskie gubernskie vedomosti [Samara Provincial Gazette] [in Russian].

Sbornik..., 1864 – Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Collection of resolutions of the Ministry of Education]. St. Petersburg, 1864. T. 1: 1802–1825. IV, 1644 p. [in Russian].

Smirnov, 2016 – *Smirnov Yu.N.* “Prosveshchennaya byurokratiya” v provintsii nakanune velikikh reform: sotrudnik samarskogo gubernatora Grota N.A. Voronov i ego vklad v regional'nye issledovaniya sereдины XIX veka [“Enlightened bureaucracy” in the province on the eve of the Great Reforms: N.A. Voronov – an official of Samara governor Grot and his contribution in regional studies at the middle of the 19th century] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Samara State University]. 2016. Nr 1 (134), pp. 28–39 [in Russian].

TSGASO – Central'nyi gosudarstvennyi arhiv Samarskoi oblasti [Central State Archive of Samara Region] [in Russian].

УДК 94(47)

Модернизация «культурных представлений» и «культурного капитала» в Российской империи: от просвещенного абсолютизма к гражданскому обществу

Людмила Михайловна Артамонова ^{а, *}

^а Самарский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. Статья касается тех вопросов, затронутых Б.Н. Мироновым в книге «Российская империя: от традиции к модерну», которые связаны с модернизационными процессами в области культуры и социальных отношений. Для обозначения устойчивых массовых ментальных конструкций в этой области, присущих различным общественным группам, Миронов использует термин «коллективные представления», а в качестве важной характеристики уровня развития общества – понятие «культурный капитал». Л.М. Артамонова согласна с тезисом Миронова, согласно которому накопление такого капитала в России происходило прежде всего по инициативе верховной власти, которая была просвещенной на всех этапах своей истории, так как не оставляла стараний по развитию народного образования. По ее мнению, в конечном итоге именно это подготавливало условия для осуществления серьезных социальных, экономических, административных преобразований. Очевидным примером является подготовку через школу условий для будущей ликвидации крепостной зависимости и других

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: artamonovoi@mail.ru (Л.М. Артамонова)

модернизационных изменений в обществе. Замыслы школьной реформы Екатерины II опередили свое время на столетие с лишним. Артамонова поддерживает точку зрения Миронова о том, что формирование элементов гражданского общества в имперской России началось в последней трети XVIII в. и приводит дополнительные аргументы, в частности быстрое развитие добровольных ассоциаций и периодической печати в русской провинции. По ее мнению, выводы Миронова сделаны благодаря кропотливой работе с источниками, в том числе с архивными. Чтобы получить убедительные статистические результаты, часто требовалось применение трудоемких количественных методов.

Ключевые слова: Россия в XVII – начале XX в.; модернизация; история культуры; народное образование; культурный капитал; социальная история; коллективные представления; менталитет; просвещенный абсолютизм; гражданское общество; периодическая печать.